

БОРИС ЗАЙЦЕВ (1881-1972)

ВОЛКИ

I

Это тянулось уже с неделю. Почти каждый день их обкладывали и стреляли. Высохшие, с облезлыми боками, из-под которых злобно торчали ребра, с помутневшими глазами, похожие на каких-то призраков в белых, холодных полях, - они лезли без разбору и куда попало, как только их подымали с лежки, и бессмысленно металась и бродили все по одной и той же местности. А охотники стреляли их уверенно и аккуратно. Днем они тяжело залегали в мало-мальски крепких кустиках, икали от голода и зализывали раны, а вечером собирались по нескольку и гуськом бродили по бесконечным, пустым полям. Темное злое небо висело над белым снегом, и они угрюмо плелись к этому небу, а оно безостановочно убегало от них и все было такое же далекое и мрачное.

Было тяжело и скучно в полях. И полки останавливались, сбивались в кучу и принимались выть; этот их вой, усталый и болезненный, ползал над полями, слабо замирал за версту или за полторы и не имел достаточно силы, чтобы взлететь высоко к небу и крикнуть оттуда про холод, раны и голод.

Белый снег на полях слушал тихо и равнодушно; иногда от их песни вздрагивали и храпели мужицкие лошаденки в обозе, а мужики ругались и подхлестывали.

На полустанке у угольных копей иной раз слышала их молодая барыня-инженерша, прогуливаясь от дому до тракта на повороте, и ей казалось, что это поют ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась в постель, засовывала голову между подушек и, скрипя зубами, твердила: "Проклятые, проклятые".

II

Был вечер. Задувал неприятный ветер, и было холодно. Снег был одет в жесткую сухую пленочку, чуть-чуть хряскавшую всякий раз, как на нее наступала волчья лапа, и легкий холодный снежок змейками курился по этому насту и насмешливо сыпал в морды и лопатки волкам. Но сверху снега не шло, и было не очень темно: за облаками вставала луна. Как всегда, волки плелись гуськом: впереди седой мрачный старик, хромавший от картечины в ногу, остальные - угрюмые и ободренные - старались поаккуратнее попадать в следы передних, чтобы не натруживать лап о неприятный, режущий наст.

Темными пятнами ползли мимо кустарники, большие бледные поля, по которым ветер гулял вольно и беззастенчиво - и каждый одинокий кустик казался огромным и страшным; неизвестно было, не вскочит ли он вдруг, не победит ли, - и волки злобно пятились, у каждого была одна мысль: "Скорее прочь, пусть все они там пропадают, только бы мне уйти". И когда в одном месте, пробираясь по каким-то дальним огородам, они вдруг наткнулись на торчавший из снега шест с отчаянно трепавшейся по ветру обмерзшей тряпкой, все, как один, кинулись через хромого старика в разные стороны, и только кусочки наста помчались из-под ног и шурша заскользили по снегу.

Потом, когда собрались, самый высокий и худой, с длинной мордой и перекошенными от ужаса глазами, неловко и странно сел в снег. - Я не пойду дальше, - заикаясь, говорил он и щелкал зубами. - Я не пойду, белое кругом... белое все кругом... снег. Это смерть. Смерть это.

И он приник к снегу, как будто слушая.

- Слышите... говорит!

Более здоровые и сильные, впрочем тоже дрожавшие, презрительно оглядели его и поплелись дальше. А он все сидел на снегу и твердил:

- Белое кругом... белое все кругом...

Когда взобрались на длинный, бесконечный взвлок, ветер еще пронзительней засвистел в ушах; волки поежились и остановились. За облаками вошла на небо луна, и в одном месте на нем мутнело желтое неживое пятно, ползшее навстречу облакам; отсвет его падал на снега и поля, и что-то призрачное и болезненное было в этом жидком молочном полусвете.

Внизу, под склоном, пятном виднелась деревня; кое-где там блестели огоньки, и волки злобно вдыхали запахи лошадей, свиней, коров. Молодые волновались.

- Пойдем туда, пойдем, все равно... пойдем. - И они щелкали зубами и сладострастно двигали ноздрями.

Но хромым старик не позволил.

И они поплелись по бугру в сторону, а потом вкось через ложбину, навстречу ветру.

Два последние долго еще оглядывались на робкие огоньки, деревню и скалили зубы:

- У-у, проклятые, - рычали они, - у-у, проклятые!

III

Волки шли шагом. Безжизненные снега глядели на них своими бледными глазами, тускло отблескивало что-то сверху, внизу поземка ядовито шипела, струясь зигзагами по насту, и все это имело такой вид, будто тут, в полях, наверно знают, что никому никуда нельзя добежать, что и нельзя бежать, а нужно стоять смиренно, мертво и слушать.

И теперь волкам казалось, что отставший товарищ был прав, что белая пустыня действительно ненавидит их; ненавидит за то, что они живы, чего-то бегают, топчутся, мешают спать; они чувствовали, что она погубит их, что она разлеглась, беспредельная, повсюду и зажмет, похоронит их в себе. Их брало отчаяние.

- Куда ты ведешь нас? - спрашивали они старика. - Знаешь ли ты путь? Выведешь ли куда-нибудь? - Старик молчал.

А когда самый молодой и глупый волчишка стал особенно приставать с этим, он обернулся, тускло поглядел на него и вдруг злобно и как-то сосредоточенно куснул вместо ответа за загривок. Волчишка взвизгнул и обиженно отпрыгнул в сторону, проваливаясь по

брюхо в снег, который под настом был холодный и сыпучий. Было еще несколько драк - жестоких, ненужных и неприятных.

Раз последние двое отстали, и им показалось, что лучше всего лечь и сейчас же умереть; они завyli, как им казалось, перед смертью, но когда передние, трусившие теперь вбок, обратились в какую-то едва колеблющуюся черную ниточку, которая по временам тонула в молочном снеге, стало так страшно и ужасно одним под этим небом, начинавшимся в летящем снегу прямо над головой и шедшем всюду, в посвистывавшем ветре, что оба они галопом в четверть часа догнали товарищей, хотя товарищи были зубастые, голодные и раздраженные.

IV

До рассвета оставалось часа полтора. Волки стояли кучей вокруг старика. Куда он ни оборачивался, везде видел острые морды, круглые, блестящие глаза и чувствовал, что над ним повисло что-то мрачное, давящее, и если чуть шелохнуться, оно обсыплется и задавит. - Где мы? - спрашивал кто-то сзади тихим, сдавленным от бешенства голосом.

- Ну-ка? Когда мы придем куда-нибудь?

- Товарищи, - говорил старый волк, - вокруг нас поля, они громадны, и нельзя сразу выйти из них. Неужели вы думаете, что я поведу вас и себя на гибель? Правда, я не знаю наверно, куда нам идти. Но кто это знает? - Он дрожал, пока говорил, и беспокойно оглядывался по сторонам, и эта дрожь в почтенном, седом старике была тяжела и неприятна.

- Ты не знаешь, не знаешь, - крикнул все тот же дикий, непомнящий голос.
- Должен знать! - И прежде чем старик успел разинуть рот, он почувствовал что-то жгучее и острое пониже горла, мелькнули на вершок от лица чьи-то желтые, невидящие от ярости глаза, и сейчас же он понял, что погиб. Десятки таких же острых и жгучих зубов, как один, впились в него, рвали, выворачивали внутренности и отдирали куски шкуры; все сбилось в один катающийся по земле комок, все сдавливали челюсти до того, что трещали зубы. Комок рычал, по временам в нем сверкали глаза, мелькали зубы, окровавленные морды. Злоба и тоска, выползавшая из этих ободранных худых тел, удушливым облаком подымалась над этим местом, и даже ветер не мог разогнать ее. А заметюшка посыпала все мелким снежочком, насмешливо посвистывала, неслась дальше и наметала пухлые сугробы.

Было темно.

Через десять минут все кончилось.

На снегу валялись ободранные клочья, пятна крови чуточку дымились, но очень скоро поземка замела все, и из снега торчала только голова с оскаленной мордой и закушенным языком; тусклый тупой глаз замерзал и обращался в ледяшку. Усталые волки расходились в разные стороны; они отходили от этого места, останавливались, оглядывались и тихонько брели дальше; они шли медленно-медленно, и никто из них не знал, куда и зачем идет. Но что-то ужасное, к чему нельзя подойти близко, лежало над огрызками их вожака и безудержно толкало прочь в холодную темноту; темнота же облежала их, и снегом заносило следы. Два молодых легли в снег шагах в пятидесяти друг от друга и лежали тупо, как поленья; они не обсасывали окровавленных усов, и красные капельки на усах замерзали в жесткие ледяшки, снегом дуло в морду, но они не поворачивались к затишью. Другие тоже позалегли вразброд и лежали. А потом они опять принялись выть, но теперь каждый выл в одиночку, и если кто, бродя, натыкался на товарища, то оба поворачивали в разные стороны.

В разных местах из снега вырывалась их песня, а ветер, разыгравшийся и гнавший теперь вбок целые полосы снега, злобно и насмешливо кромсал ее, рвал и расшвыривал в разные стороны. Ничего не было видно во тьме, и казалось, что стонут сами поля.